

Автор
Алексей Маркович
Бондаренко

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ

Памяти Анатолия Васильевича Борзых

ся. Попаримся березовым веничком, да и трянем стариной, - вновь улыбнулся Маркелыч. — Как хорошо, что ты приехал! А то я тут в одиночестве, который месяц. Вовсе закис и скукисился. - К себе, в тайгу тороплюсь. Долгонько дома задержался. Теперь наверстывать надо. Тут еще непогода подстерегла, - принялся объясняться я.

Но Маркелыч уловил, что в голосе моем не было той решительности продолжать свой путь, он, хмуро прищурил глаза, посмотрел в мутное окно и ответил:

- Другой день метели несусветные. Кутру сравняет все лыжни и бураницы. Не знатко будет. Но ты не переживай. Все одно до вечера по всем своим дорогам не успеешь проехать. А до базовой избушки твоей утре я помогу пробиться. У меня «Буран» новый, понадежнее твоего трудяги. Да вдвоем и сподручнее в такую непогоду управляться.

В тайге неистовала пурга. Порывы ветра были такой сокрушительной

людей за безобразия.

- А ты в дорогу собрался! Не торопись на тот свет. Ойкнуть не успеешь, как лесной пришибет. Путный хозяин собаку из дому не выгонит в такую непогоду. Давненько такой беды не было. Собирайся-ка, паря, лучше в баню. Сейчас я гляну, чо в ней деется. А

изящной снеди. Простой навар из лосиноного мяса, сдобренный луком и перцем невозможно замечать даже самыми изысканными деликатесами.

Водка не помешала нам, а наоборот развязала языки. Маркелыч как-то повеселел, стал разговорчивее. Все больше рассказы-

Замечательный человек! А какой рассказчик! Заслушаешься. Я его зову лесным академиком: о каждой птичке- синичке может целую историю выложить. Я уж не говорю о звере. Ученые люди на его наблюдениях докторские диссертации пишут.

Маркелыч вдруг попер-

На встрече с читателями в г. Назарово

Мой давний приятель, замечательный охотник и следопыт Маркелыч встретил меня у своей избушки печальными глазами. Он как-то неопределенно и спешно сунул мне руку и укоризненно сказал:

- А ты рисковый...

Я неопределенно пожал плечами и принялся изпод снега в саях освобождать свой рюкзак. Перевернул сани, накинул сверху на снегоход клочок брезента и подался за охотником в избушку. Его подавленное настроение не только озадачило, но и немного встревожило меня. Таким пониженным и вялым я давно не видел своего приятеля. Подумалось мне, что приболел охотник или уж что случилось непредвиденное в тайге. Причин для расстройства на охотничьих тропах неисчислимо множество, и каждая из них зарубкой ложится на сердце. А когда еще один остаешься, то порой и вовсе караул кричи.

В избушке, раздеваясь, я спросил у него:

- Нездоровиться, Маркелыч? Может я могу чем помочь? Выкладывай на чистоту, - приступил я к охотнику. — У меня в рюкзаке есть кое-какие лекарства первой необходимости. Тот же аспирин от простуды...

- Да, что мне твой аспирин! — отмахнулся Маркелыч. — Лучше выкладывай, какие новости привез. Плохие ли? О хороших не спрашиваю.

- Ничего не утаю. Только позволь мне раздеться и обогреться.

- Да, что это я раскудался как худая баба, - спохватился Маркелыч. — Разве так дорогого гостя встречают! Ты уж прости меня. Винюсь... Который день какой-то неведомый груз давит на сердце. Будто беду чувствую. Вот и раскис не в меру. Да ты раздевайся живей, мости на вешала мокрую одежду. Будто и зима на улице, а все одно сырой приезжаешь. От двигателя снегохода тепло исходит на колени, снег тает, вот и мокрота образуется. Прописная истина.

- Да-а-а... - согласился я. — Климат резко изменился. Глобальное потепление. Скоро о морозах в Сибири одно воспоминание останется. Будем прыгать, как папуасы, голыми.

- Представляю тебя голышом в тайге, - улыбнулся Маркелыч, и как-то сразу повеселел. - Время, однако, сдвинулось. Погоди маленько — еще завернут морозы.

Раздеваясь, я искоса наблюдал за охотником, и мне было приятно осознавать, что мое присутствие и первые, сорвавшиеся с языка, шутки поднимают его настроение. В его движении стала появляться расторопность, и Маркелыч

даже принялся суетиться, налаживая к обеду стол.

- Ты, друг мой, разболакайся поживее, да подвигайся к столу. Вона, сохатины свежей нажарил. Жирной оказалась матушка. Видно, в лето яловая была, - поторапливал меня Маркелыч.

Я расшнуровал рюкзак, принялся на стол метать свои дорожные припасы.

- Э-э-э... Ты это, паря, оставь, - решительно запротестовал таежник. — Ты у меня в гостях. А припасы свои сбереги на черный день.

- А от этой тоже откажешься? — вынул я из рюкзака солдатскую фляжку, встряхнул ее.

- Оставь после баньки в самый раз. Баня как раз, кстати, у меня топит-

силы, что минутами казалось, лес не выдержит напора, ветер вырвет с корнем вековые деревья, придавит ими избушку или напрочь снесет крышу. От бесноватых завихрений на обширном болоте света белого не видно. При каждом порыве ветра избушка как живая вздрагивала, готова была сорваться с места и лететь в это невидимое бесовское пространство. Протяжно и нудно скрипела перекладина в саях.

- Давно такого светопрествления не видел, опять покачал головой Маркелыч, поглядывая в окно.

- Не в меру разошлась непогодица, - согласился я, и, подумав, добавил, - Природа мстит

то может уже и остыла.

Маркелыч, накинув на плечи полушубок, вышел на улицу. Я, подбросив в печурку дров, прилег на нары, вытянув с наслаждением натруженные за день ноги. Баня была вовремя и кстати. За долгую дорогу в морозные дни я продрог и уже чувствовал в теле простуду.

Маркелыч любезно предложил мне махровое полотенце, и даже свежее белье. Я чувствовал себя как дома.

Напарившись в бане до дури и уткнувшись в подушку, я нетерпеливо стал поджидать таежника. Он не заставил себя долго ждать. Разморенный паром, накинув на широкие плечи полотенце, в трусах и в галошах на босу ногу, он, раскрасневшийся и бодрый, ввалился в избушку. Выпив загодя приготовленный в кружке брусничный сок, перевел дыхание, пристально посмотрел на меня.

- Уморился? — улыбнулся он глазами. — Ну, а теперь с Богом трапезничать пора пришла. Подвигайся к столу. Тепереча и по рюмашке другой не грех принять.

Наваристый отвар из сохатины был отменным. Только настоящий таежник может оценить это непревзойденное, казалось бы, простое блюдо. Он обжигал губы. Запах хвои, леса и чего-то необыкновенно неповторимого щекотал ноздри. В эти минуты я забыл про свои дорожные припасы, покоившиеся в рюкзаке. Вовсе не думалось о магазинных колбасах, сырах, консервах, штампованных пельменях и самой что-ни на есть

вал о промысле. Потом будто вспохватился и, вскинув на меня большие голубые глаза, острые и любознательные, спросил:

- А ты чего же все помалкиваешь? Что там твориться на большой земле? На месте ли стоит наш древний Енисейск? Не смыли его еще воды Красноярского водохранилища? Вона с Саяно-Шушенской ГЭС что натворили! Обезобразили реки, а тепереча со стихией не можем управиться. Хозяина не стало, нет твердой руки... Эх-ма, жизнь наша копейка.

- Енисейск на месте стоит, и стоять будет, - заверил я таежника. — Вот только Енисей сопротивляется зиме нонче. На дворе январь, а он и не думает успокаиваться. Паром еще ходит из Подте-сово. Даже чудно как-то. Раньше в декабре морозы вон какие завертывали, а нынче с крыш капает. Что-то изменилось в природе и не в нашу пользу.

- Как тут не измениться! — недовольно пробурчал Маркелыч, -По берегам рек уже лесов не осталось- весь выхлестали хапуги и никому до этого дела нет. Государство на это сквозь пальцы смотрит. Не знаю, как люди завтражить собрались. А нынешним изворотливым жуликам хоть трава не расти. Лишь бы карманы зелеными были набиты.

хнулся, подозрительно посмотрел на меня.

- Почему ты так спрашиваешь? — насторожился он.

- Как?

- В прошедшем времени, - выдохнул таежник. - Выкладывай, что случилось...

- Нет уже с нами нашего Васильевича, - с трудом выдавил я.

- Что за шутки? Ты говори да не заговаривайся, - сверкнул глазами таежник.

- Умер Анатолий Васильевич, - сникнув, ответил я. — Язва его мучила много лет, виду не показывал. А тут прижало, видно. В краевую больницу поехал, а вернулся в гробу.

- Беда какая! — чернея тучи, стал Маркелыч, а помолчав, хмуро сказал, - Говорят, незаменимых людей нет. Не верю я этому утверждению людей, а особенно сейчас. Не будет больше такого охотоведа, как Борзых. Когда еще появится на земле такой человек. И появится ли вообще. Васильевич был человецище!

- Да-а-а... Замечательным знатоком тайги был Васильевич, - согласился я.

- Господь не справедлив к своим чадам, - продолжал Маркелыч, тяжело вздыхая. У таежника глаза повлажнели, на лбу собрались морщинки, губы дрожали. - Хорошие люди, как правило, мало живут, а сволочей палкой не пришибешь.

- Не справедлив... Маркелыч разлил по стаканам водку.

- Помянем добром Анатолия Васильевича. Земля ему пухом... - поднял стакан таежник и залпом выпил.

Окончание следует
Алексей БОНДАРЕНКО,
г. Енисейск